

Медный кувшин (11 глава)

Энсти Гатри Томас

????????? ??????.

На следующее утро Вентимор увидел, что его ванна и вода для бритья принесены к нему наверх, из чего он совершенно правильно умозаключил, что его хозяйка вернулась.

Втайне он не ожидал ничего хорошего от своей встречи с ней, но она явилась с кофе и бутербродами, так явно выражая благоприятную перемену в своем настроении, что все опасения Горация рассеялись.

— Конечно, г. Вентимор, барин... — начала она, извиняясь, — вы Бог знает что подумали обо мне с Рапкиным вчера, когда мы таким образом ушли из дому...

— Я был крайне удивлен, — сказал Гораций, — я никак не мог от вас ожидать... Но, вероятно, у вас были на то причины.

— Да, сударь, — сказала г-жа Рапкин, нервно проводя рукою вдоль спинки стула, — дело в том, что на нас с Рапкиным что-то нашло, так что мы не могли оставаться здесь ни минуты ни за что.

— Да? — сказал Гораций, поднимая брови. — Бродячая лихорадка, а, г-жа Рапкин? Странно только, что это случилось именно тогда, не правда ли?

— Должно быть, отделка квартиры... — сказала г-жа Рапкин. — Поверите ли, сударь, все было тут другое... ничего не осталось сверху донизу!

— В самом деле? — сказал Гораций. — А вот я так не замечаю никакой разницы.

— Да и я теперь, днем, но вчера ночью все это было в куполах, да в сводах, да мраморные фонтаны били из-под пола, и целые толпы двигались по лестнице, все молча, а сами — черные, как ваша шляпа... Рапкин видел их, так же хорошо, как и я.

— Судя по состоянию, в котором был вчера ваш муж, — сказал Гораций, — я сказал бы, что он мог видеть что угодно... и даже все вдвойне...

— Не спорю, сударь, что Рапкин мог быть немножко не в себе, много ли ему нужно, когда он просидит полдня над газетами и кто знает еще с чем в читальне. Но и я видела арапов, г. Вентимор, а никто не может сказать, чтобы я пила без меры.

— Я и не предполагаю этого, г-жа Рапкин, — сказал Гораций, — только если бы дом был вчера вечером таким, как вы его описываете, то как вы объясните себе, что он сегодня опять как прежде?

Г-жа Рапкин в своем замешательстве принялась складывать свой фартук в мелкие складки.

— Не мне говорить об этом, сударь, — ответила она, — но если надо высказать мое мнение, то я думаю, что тут не обошлось без тех нехристей на верблюдах, что были здесь па днях.

— С одной стороны, это может быть верно, — с кротостью сказал Гораций. — Вот видите, г-жа Рапкин, вы так устали от стряпни, так переволновались, а верблюды так засели в вашей голове, что вы начали видеть все то, что видел Рапкин, а он стал видеть все, что видели вы. Это так бывает.

Ученые люди зовут это «коллективной галлюцинацией».

— Господи! — сказала добрая женщина под сильным впечатлением этого диагноза. — Неужели вы полагаете что у меня такая болезнь? Я всегда была выдумщицей, еще девочкой, и умела гадать по кофейной гуще, как никто, но никогда еще со мной не было ничего такого! И подумать только, что я бросила недоваренный обед, когда вы ждали вашу барышню и ее папашу и мамашу! Ах, мне теперь так стыдно! Как же вы обошлись, барин?

— Нам удалось достать кое-чего из одного места, — сказал Гораций, — но это для меня было крайне неудобно, и я хочу верить, г-жа Рапкин, я искренне хочу верить, что этого больше не случится.

— Уж ручаюсь, что больше не случится. И вы не будете выговаривать Рапкину, сударь, не правда ли? Хотя ведь это он увидел арапов и вбил мне их в голову, но я уж с ним поговорила строго и ему теперь очень горько и стыдно, что он так забылся.

— Очень хорошо, г-жа Рапкин, — сказал Гораций. — Так решим уж больше не упоминать о вчерашних... неприятностях.

Он искренне был рад, что так легко выпутался, потому что нельзя было даже предсказать, какие могли пойти сплетни, если бы Рапкины не были приведены к убеждению, что на эту тему благоразумнее молчать.

— Есть еще одна вещь, сударь, о которой я хотела поговорить с вами, — сказала миссис Рапкин, — о той большой медной посудине, что вы принесли с аукциона несколько времени назад. Не знаю, помните ли вы?

— Я помню ее, — сказал Гораций. — Ну и что же с ней?

— Так вот, сударь, я нашла ее в угольном погребе сегодня утром и я думала спросить у вас, там ли вы хотите держать ее впредь? Потому что, сколько ее ни чисти, она все равно шикарнейшей не станет, ну а там, где она сейчас, она уж и вовсе ни к чему.

— О! — сказал Гораций с некоторым облегчением, потому что в начало ее речи на него напал смутный страх, не наскандалил ли этот кувшин каким-нибудь образом? — Ставьте его куда хотите, г-жа Рапкин, делайте с ним что хотите... только бы я не видел его опять!

— Очень хорошо, сударь! Я только хотела спросить вас, — сказала г-жа Рапкин, затворяя за собой дверь.

Гораций шел в это утро на Большую Монастырскую в очень веселом и добродушном настроении даже по отношению к джинну. При всех своих многочисленных недостатках, он все-таки предобрый старикашка, много лучше того джинна, которого рыбак из «Арабских сказок» нашел в своем кувшине.

Девяносто девять джинов на сто, думал Гораций, озлились бы, видя, что их благодеяния, одно за другим, «откланяются с благодарностью». Хорошая черта в Факраше — это то, что он не обижается на замечания, и как только начинает понимать, что поступил неправильно, то всегда готов исправить ошибку. И он теперь вполне понимает, что эти его восточные штуки ничего не стоят в наши дни и что если люди увидят, как бедный человек вдруг начинает купаться в богатствах, они, естественно, захотят знать, каким образом он их добыл. Я по думаю, чтобы Факраш стал мне сильно надоедать в будущее. Если он иногда и заглянет, то я примирюсь с этим. Может быть, если ему посоветовать, он согласится принимать другой вид, не столь заморский. Если бы он являлся под видом банкира или епископа (багдадского епископа, например), то пусть бы навещал меня сколько угодно. Только не могу позволить, чтобы он влетал в трубу. Впрочем, он поймет и сам. И он оказал мне действительную услугу, о которой не должно забывать: он прислал мне старика Вакербаса. Кстати, хотел бы я знать, просмотрел ли тот мои чертежи и что он о них думает.

Он сидел у стола, набрасывая эскизы для отделки приемных комнат в будущем доме, когда в комнату вошел Бивор.

— Мне сейчас как раз нечего делать, — сказал он, — и я надумал зайти к вам и взглянуть одним

глазом на ваши планы, если они уже настолько подвинулись, что их можно показывать.

Вентимору пришлось объяснить, что даже самый поверхностный осмотр был невозможен, потому что чертежи уже отосланы к заказчику еще накануне вечером.

— Фь-ю! — свистнул Бивор. — Проворно работаете, право!

— Не знаю. Я корпел над ними больше двух недель.

— Все-таки можно было дать мне взглянуть, что у вас там вышло. Я ведь показываю вам все мои работы!

— Сказать вам истинную правду, товарищ, я не был уверен, что вам понравится, и боялся, как бы вы не разочаровали меня в том, что я сделал; да и Вакербас страшно хотел иметь планы поскорее... так оно и вышло!

— Вы думаете, что он останется доволен?

— Должно быть. Не могу сказать наверно, но я положительно думаю, что он увидит даже лучше, чем ожидал. Чертовски хорош будет домик, хоть и не полагается хвалить себя.

— Что-нибудь модернистское и фантастическое, а? Знаете, можете и не потрафить. Имей вы мою опытность, вы бы знали, что клиент — птица страшно капризная, которую не легко приручить!

— Я уж угрожу моей старой птице, — сказал Гораций весело. — Такая будет клетка, по которой она напрыгается всласть!

— Вы — парень ловкий, — сказал Бивор, — но чтобы выполнить такое дело, у вас одного маловато в голове: балласта.

— А вы вваливаете в меня свой! Ну, дружище, вы, конечно, не сердитесь, что я отослал эти планы, не показавши вам? Они скоро опять будут у меня, и тогда вы можете любоваться на них сколько хотите. Нет, серьезно, мне будет очень нужна ваша помощь при окончательной отделке проекта.

— Гм... — сказал Бивор, — до сих пор вы так хорошо управились один... по крайней мере, судя по вашим словам, поэтому можно смело думать, что вы обойдетесь без меня в дальнейшем. Только, знаете ли, — прибавил он, уходя из комнаты, — вы еще не добыли себе рыцарских шпор. Человек еще не становится Микеланджело, Брунелески или Джильбертом Скоттом только потому, что ему сразу попадает в руки шестидесятитысячный заказ!

«Бедняжка Бивор! — думал Гораций с раскаянием. — Я сильно задел его. Лучше бы показать ему эти планы, меня это не огорчило бы, а ему доставило бы удовольствие. Ну, ничего, я с ним помирюсь после завтрака, попрошу его высказать мнение насчет... Но, нет! Пусть идет к черту! Даже дружба имеет свои пределы!»

Вернувшись после завтрака, он услышал у себя нечто похожее на спор, в котором, по мере своего приближения к двери, он ясно различал голос Бивора.

— Но, милостивый государь, — говорил он, — я уже сказал вам, что это вовсе не мое дело.

— А я вас спрашиваю, сударь, как собрата-архитектора, — говорил другой голос, — считаете ли вы это допустимым или разумным...

— Как собрат-архитектор, — отвечал Бивор в то время, когда Гораций отворял дверь, — я предпочитаю воздержаться и не высказывать мнения... Ах, вот и сам г-н Вентимор.

Гораций вошел и оказался лицом к лицу с г-м Вакербасом; физиономия у последнего была багровая и белые бакенбарды торчали ежом от гнева. — Вот как, сударь! — начал он. — Вот как... — и захлебнулся от негодования.

— Кажется, тут произошло какое-то недоразумение, дорогой Вентимор, — объяснял Бивор с деланной корректностью, разве только чуть-чуть менее оскорбительно, чем открытое торжество. — Я думаю, мне лучше оставить вас вдвоем с этим господином, чтобы вы могли объясниться спокойно.

— Спокойно! — воскликнул Вакербас с апоплексическим хрипом. — Спокойно?!

— Не имею понятия, чем вы так взволнованы, сударь, — сказал Гораций. — Может быть, вы потрудитесь объяснить?

— Объяснить! — Г. Вакербас даже разинул рот. — Что ж... нет! Если я заговорю, то захвораю. Лучше скажите вы, — прибавил он, махнув пухлой рукой в сторону Бивора.

— Я не осведомлен обо всех фактах, — сказал Бивор, — но, насколько могу сообразить, этот господин думает, принимал во внимание важность работы, которую он нам поручил, что вы посвятили ей меньше времени, чем он мог бы ожидать. Но, как я уже сообщал ему, это меня не касается, и он должен обсуждать его с вами.

После этих слов Бивор удалился к себе и затворил дверь с тою же безупречной скромностью, которая как бы выражала, что он ничуть не удивлен, но, как слишком порядочный человек, не желает показать этого.

— Так, значит, г. Вакербас, — начал Гораций, когда они остались одни, — вы недовольны домом.

— Недоволен! — сказал с бешенством г. Вакербас. — Я возмущен им, сударь, возмущен!

Сердце у Горация упало — что же, значит, он обманывал себя? Значит, он только самодовольный дурак и — что самое неприятное — значит, Бивор судит вполне верно? И все-таки нет — как-то не верилось этому... Он знал, что его работа хороша!

— Да, это высказано откровенно! — сказал он. — Я очень огорчен, что вы недовольны. Я сделал все, что мог, чтобы выполнить все ваши указания.

— В самом деле? — брыжка слюною, произнес Вакербас. — Так это вы называете... Но продолжайте, сударь, продолжайте!

— Я это сделал как мог быстрее, — продолжал Гораций, — потому что, как я понял, вы не хотели терять времени.

— Никто не может обвинить вас в медлительности! Хотел бы я знать, как это вам удалось сварганить все так чертовски скоро?

— Я непрерывно работал день и ночь все это время, — сказал Гораций, — и поэтому кончил скоро... И вот благодарность за это!

— Благодарность! — почти завыл г. Вакербас. — Ах, нахальный молодой шарлатан! И вы ждете благодарности!

— Послушайте, г. Вакербас, — сказал Гораций, настроение которого стало омрачаться, — я не привык к подобному обращению и привыкать не желаю. Потрудитесь изложить в приличных выражениях, что именно вам не нравится.

— Мне не нравится вся проклятая штука, сударь. Я хочу сказать, что совершенно отказываюсь принять постройку. Это работа сумасшедшего, дом, где ни один порядочный англичанин, который хоть сколько-нибудь уважает себя, заботится о своей репутации и положении в графстве, не согласится прожить хоть единый час!

— О, — сказал Гораций, чувствуя нестерпимую тошноту, — в таком случае, конечно, бесполезно предлагать поправки.

— Абсолютно! — сказал г. Вакербас.

— Ну, хорошо, больше не о чем говорить, — сказал Гораций. — Вам не трудно будет найти архитектора, которому лучше удастся осуществить ваши желания, г. Бивор, которого вы только что видели, — прибавил он с оттенком горечи, — вероятно, как раз подойдет вам. Конечно, я совершенно отступаюсь. И уж если кто-нибудь потерпел в этом деле, так это я. Не вижу, какой ущерб нанесен вам!

— Какой ущерб?! — воскликнул г. Вакербас. — Да раз дьявольский дом уже выстроен...

— Выстроен?! — откликнулся Гораций слабым голосом.

— Я вам говорю, сударь, я видел его собственными глазами утром, когда ехал на станцию; мой кучер и лакей видели его, моя жена видела его... Черт его возьми, сударь, мы все видели его!

Тогда Гораций понял. Неутомимый джинн опять натворил дел! Разумеется, для Факраша было, вероятно, как бы он выразился сам «легче всего на свете...», в особенности после того, как он взглянул на планы (Вентимор вспомнил, что джинн застал его над ними и даже просил у него пояснений), обойтись без поставщиков, каменщиков и плотников и построить все здание в одну ночь.

Это было великодушно и догадливо, но в данном случае, когда самые чертежи были признаны плохими и отвергнуты, злополучный архитектор оказывался в сквернейшем положении.

— Ну, сударь, — сказал Вакербас с подчеркнутой иронией, — смею думать, что именно вас я должен благодарить за украшение моих владений этим драгоценным дворцом?

— Я... я... — начал Гораций, совершенно уничтоженный, и вдруг с волнением, которое легко себе вообразить, заметил самого джинна, в его зеленом одеянии, как раз за спиной Вакербаса.

— Приветствую вас, — сказал Факраш, выступая вперед со своей любезной и лукавой улыбкой. — Если не ошибаюсь, — прибавил он, обращаясь к пораженному скупщику земель, который даже подскочил, — ты тот купец, для которого мой сын, — и он положил руку на задрожавшее плечо Горация, — взялся построить дом?

— Да, — сказал г. Вакербас, поняв его ошибочно. — Я имею удовольствие говорить с г-ном Вентимором отцом...

— Нет, нет, — вмешался Гораций. — Это не родственник. Это, как бы сказать, неформальный компаньон.

— Не находишь ли ты, что он — зодчий, божественно одаренный? — спросил джинн, сияя гордостью. — Не есть ли дворец, который он воздвиг для тебя, по своему бесподобному совершенству чудо красоты и величия, такой, какому и султаны могли бы завидовать?

— Нет, сударь! — закричал разъяренный Вакербас. — Уж если вы спрашиваете моего мнения, то ничего подобного! Это — дурацкая ерунда, не то оранжерея в Кью, не то — Брайтонский Павильон. Нет ни бильярдной, ни приличной спальни... Я прошел по всему дому, так уж мне ли не знать. На канализацию и намека нет! И у него хватает медного лба... я хочу сказать, бесстыдной наглости назвать это деревенским домом!

Досада Горация сменилась облегчением. Джинн, который был далеко не гений, кроме только, пожалуй, в любезности, осуществил постройку дворца согласно своим понятиям об арабской домашней роскоши, и Гораций, по собственному горькому опыту, мог до известной степени сочувствовать несчастному заказчику. С другой стороны, открытие, что вовсе не его проект был найден таким нелепым, пролило как бы бальзам на раны его самолюбия и, по какому-то таинственному мыслительному процессу, который я не берусь истолковать, он вдруг примирился с услужливым Факрашем, даже почти ощутил к нему благодарность. Сверх того, тот был все-таки его джинн, и Гораций не хотел, чтобы его обижали посторонние,

— Позвольте объяснить вам, г-н Вакербас, — сказал он, — что лично я тут ни при чем. Этот господин, желая избавить меня от хлопот, взял на себя постройку вашего дома, не поговорив предварительно ни со мной, ни с вами. Насколько мне известны его таланты, я не сомневаюсь, что... что это —

дьявольски прекрасное здание в своем роде. Во всяком случае мы не требуем за него платы... Он подносит его вам в подарок. Почему бы вам не принять его, как таковой, и не воспользоваться им, как можно лучше?

— Как можно лучше? — загремел г-н Вакербас. — Подите туда и посмотрите, как самая красивая в трех графствах местность обезображена этою бредовой мавританской бутафорщиной! Ее назовут: «Вакербасов сумасшедший дом». Я стану посмешищем во всей округе. Я не могу жить в этом отвратительном здании. Поддерживать его у меня не хватит средств, и я не хочу, чтобы оно загромождало мою землю. Слышите? Не хочу! Я буду жаловаться в суд, заставлю вас и вашего приятеля араба снести это здание, подам жалобу в Палату Лордов, если это окажется нужным, и буду бороться с вами, пока стою на ногах!

— Пока стоишь на ногах! — повторил Факраш ласково, — Это действительно долго, о, ты, сутяга!.. На четвереньки, неблагодарный пес! — воскликнул он с внезапной и полной переменой тона. — И присмыкайся с этого часа до конца твоих дней. Я, Факраш-эль-Аамаш, повелеваю тебе!

Было одновременно и тяжело и смешно видеть, как представительный и столь уважаемый г-н Вакербас вдруг упал вперед на руки, отчаянно силясь сохранить свое достоинство.

— Как вы смеете, сударь? — почти пролаял он. — Как смеете вы, слышите? Знаете ли вы, что я могу привлечь вас к суду за это? Я хочу встать. Я настаиваю на своем желании.

— О, презренный видом! — отвечал джинн, распахивая двери. — Вот откуда! В конуру!

— Я не хочу! Я не могу! — завизжал несчастный. — Как вы думаете, могу я идти по Вестминстерскому мосту на четвереньках?.. Что подумают обо мне чиновники в Ватерлоо, где меня знают и уважают столько лет? Как я покажусь своему семейству в... в таком виде. Позвольте мне встать!

До этой минуты Гораций был слишком потрясен и испуган, чтобы говорить, но тут чувство человечности и неприятие деспотических замашек джинна заставили его вмешаться.

— Г-н Факраш, — сказал он, — это уже слишком! Если вы не перестанете мучить этого несчастного господина, то между нами все кончено...

— Никогда! — сказал Факраш. — Он осмелился порицать мой дворец, который слишком великолепен для такого паршивого сукина сына. Поэтому пусть живет во прахе всю жизнь.

— Но я не порицаю! — таявал г-н Вакербас. — Вы... вы совершенно не поняли... тех замечаний, которые я решил сделать. Это хороший дом, красивый и даже уютный. Я никогда не скажу против него ни слова. Я буду... да, я буду жить в нем... если только вы мне дадите встать!

— Исполните его просьбу, — сказал Гораций джинну, — или, клянусь, я никогда не скажу вам ни слова!

— От тебя зависят решение в этом деле! — был ответ. — И если я уступаю, то лишь твоему ходатайству, а не его. Ну, вставай, — сказал он униженному заказчику. — Ждалишь и покажи нам ширину твоих плеч.

Это как раз был тот момент, когда Бивор, будучи, вероятно, более не в силах сдерживать свое любопытство, решился снова войти в комнату.

— Ах, Вентимор, — начал он, — не оставил ли я своего... Прошу извинения, я думал, что вы уже один.

— Не уходите, сударь, — сказал г. Вакербас, неуклюже поднимаясь на пот, его обычно цветущее лицо отливало серым и лиловым. — Я... я хотел бы, чтобы вы знали, что после того, как мы спокойно переговорили о деле с вашим другом, г-ном Вентимором, и вот этим его компаньоном, я вполне убедился в неосновательности моих возражений. Беру все свои слова назад. Дом... гм... а-а... удивительно распланирован, очень удобен, поместителен и... а-а... незауряден. Полная свобода... ото всяких санитарных приспособлений особенно говорит за себя. Одним словом, я более чем

удовлетворен. Пожалуйста, забудьте все мои речи, которые можно бы истолковать иначе... Всего хорошего, господа!

Мимо джинна он прошел, не переставая кланяться, полный страха и почтения. Потом все услышали, как он почти скатился с лестницы. Гораций едва решился взглянуть Вивору в глаза, прикованные к джинну в зеленой чалме, который стоял поодаль в мечтательной задумчивости и со спокойною улыбкою.

— Послушайте, — сказал наконец Бивор Горацию вполголоса, — вы мне никогда не говорили, что вошли в компанию.

— Это не настоящий компаньон, — прошептал Вентимор. — Он только иногда кое в чем помогает мне, вот и все.

— Ему скоро удалось смягчить вашего клиента, — заметил Бивор.

— Да, — сказал Гораций, — он с Востока, видите ли, и у него... очень убедительные манеры. Хотите, я вас познакомлю?

— Если вам все равно, — ответил Бивор все еще вполголоса, — я предпочитаю уклониться. Сказать вам правду, друг, мне не вполне симпатична его внешность, и, по моему мнению, — прибавил он, — чем меньше вы будете иметь с ним дела, тем лучше. Он производит на меня дурное впечатление.

— Нет, нет, — сказал Гораций, — эксцентричный, вот и все... Вы его не понимаете.

— Узнай новость! — начал джинн, после того, как Бивор удалился к себе, полный подозрений и неодобрения, выражавшихся даже в повороте его спины и плеч. — Сулейман, сын Давида, покоится со своими праотцами.

— Знаю, — огрызнулся Гораций, нервы которого не могли в эту минуту выдержать еще беседу о Сулеймане. — Так же, как и царица Анна.

— Я не слышал о ней. Но почему тебя не поразила эта весть?

— У меня есть дела, более мне близкие и требующие обсуждения, — сухо сказал Гораций. — Я должен вам сказать, г. Факраш, что вы меня здорово запутали!

— Объяснись более подробно, потому что я тебя не понимаю.

— И почему, скажите, пожалуйста, — простонал Гораций, — вы не дали мне выстроить этот дом по моему?!

— Разве я не слышал своими собственными ушами, как ты жаловался на свое неумение выполнить задачу? Вследствие этого я решил, что тебя не должна постигнуть неудача из-за твоей неопытности, и я сам воздвиг за тебя дворец, столь блистательный, что имя твое будет жить во век. И вот, это совершено!

— Да, — сказал Гораций, — теперь мне пришел конец. Я не упрекаю вас. Я искренне верю, что вы действовали с наилучшими намерениями. Но к черту бы все это! Неужели вы не можете понять, что окончательно погубили мою карьеру как архитектора.

— Этого не может быть, — возразил джинн, — так как слава этой постройки будет приписана тебе.

— Слава! Да ведь здесь Англия, а не Аравия. Какую славу могу я приобрести, если будут знать, что я строитель восточного павильона, который был бы вполне хорош для Гаруна-аль-Рашида и никуда не годен, могу вас в том уверить, как жилище обыкновенного англичанина.

— А все-таки этот ожирелый пес, — заметил джинн, — выразил большое одобрение.

— Очень естественно, так как он понял, что может говорить откровенно только на четвереньках.

Действительно ценный отзыв! И что же, вы думаете, что я могу взять с него деньги? Нет, г. Факраш, хотя бы мне и самому пришлось ходить на четвереньках, я должен сказать и скажу, что вы учинили ужаснейший скандал!

— Открой мне твои желания, — сказал Факраш, несколько смущенный, — потому что ты знаешь, что я ни в чем не могу тебе отказать.

— В таком случае, — смело сказал Гораций, — нельзя ли убрать этот дворец, — рассеять в воздухе, что ли?

— Поистине, — сказал джинн огорченным толом, — делать добро такому человеку, как ты, значит, даром терять время, потому что ты не даешь мне покоя до тех пор, пока все сделанное не уничтожено.

— Это в последний раз, — настаивал Гораций, — обещаю больше не просить ни о чем подобном...

— Не в первый раз ты даешь такое обещание, — сказал Факраш. — Если бы не значительность оказанной тобой услуги, я не стал бы внимать этому твоему ропоту, в другой раз ты не увидишь от меня такого снисхождения. Но на этот раз... — он пробормотал наиск-то слова, сделав правой рукой такое движение, будто сметал что-то крылом, — твое желание будет исполнено. От дворца и всего того, что там есть, не осталось и следа.

«Еще сюрприз для бедного старика Вакербаса, — подумал Гораций, — но на этот раз приятный».

— Дорогой г. Факраш, — сказал он громко, — я просто не могу выразить, как я вам благодарен! А теперь... мне очень тяжело надоедать вам, но если бы вы могли как-нибудь заглянуть к профессору Фютвой...

— Как? — воскликнул джинн. — Еще просьба? Уже!

— Да вы еще прежде обещали, вы знаете, — сказал Гораций.

— Что касается этого, — заметил Факраш, — то я уже исполнил обещанное.

— Да! — воскликнул Гораций. — И он теперь верит, что все это правда про бутылку?

— Когда я покинул его, — ответил джинн, — все его сомнения были рассеяны.

— Ну, ей-богу же, вы молодец! — воскликнул Гораций, радуясь возможности похвалить от чистого сердца. — А как вы думаете, если б я пошел к нему теперь, он отнесся бы ко мне как всегда?

— Нет, — сказал Факраш со своей едва заметной, но загадочной улыбкой, — это больше, чем я могу тебе обещать.

— Но почему, — спросил Гораций, — раз он знает все?

Явилось очень странное выражение в скользющем взоре джинна: какая-то смесь резвой проказливости с сознанием своей виновности — точь-в-точь, как у шаловливого ребенка, который еще ощущает на языке вкус тайно съеденного варенья. — Потому что, — ответил он, не то хихикая, не то кудах-тая, — потому что ради преодоления его неверия, пришлось превратить его в одноглазого мула гнусного на вид.

— Что?! — воскликнул Гораций.

Но чтоб избежать объяснений, джинн исчез со своей обычной внезапностью.

— Факраш! — звал Гораций, — Г. Факраш! Вернитесь! Вы слышите? Я должен говорить с вами!

Но ответа не было. Джинн, видимо, был на пути к озеру Чад или к Иерихону и, конечно, уже далеко от Большой Монастырской.

Гораций сел за чертежный стол, закрыв лицо руками, и постарался обдумать это новое положение. Факраш превратил профессора Фютвоя в одноглазого мула. Прежде это показалось бы невероятным, немислимым, но за последнее время Гораций пережил столько всяких невозможностей, что одна лишняя уже не возбуждала в нем недоверия.

Главным его чувством было то, что это событие должно поставить новую преграду между ним и Сильвией, надо отдать ему справедливость, что сам по себе факт превращения отца его невесты в мула нисколько не уменьшил его пылкой любви. Даже если бы он не чувствовал личной ответственности за это несчастье, он слишком любил Сильвию, чтобы это могло его отпугнуть.

При наличии мужества и решимости видеть во всем лишь хорошую сторону всегда можно сладить почти со всякой пришедшей бедой.

Но самый важный вопрос, как он тотчас же понял, был тот, согласится ли Сильвия, при такой перемене обстоятельств, выйти за него замуж. Не найдет ли она какой-нибудь связи, после того, что видела на том его ужасном обеде накануне, между ним самим и этим превращением своего бедного отца? Она даже может заподозрить его в стремлении таким путем заставить профессора вернуть свое согласие на их брак, да, в сущности, Гораций и сам не был уверен, что джинн не руководствовался какой-нибудь глупой мыслью в этом роде. Очень вероятно, что профессор, узнав истину, отказался отдать дочь за «протеже» такого сомнительного покровителя и что тогда Факраш принял решительные меры.

Во всяком случае, Вентимор достаточно знал Сильвию, чтобы не сомневаться, что ее гордость ожесточит против него ее сердце, пока не устранится это препятствие.

Здесь не подобает излагать всего того, что сказал и подумал Гораций о том существе, которое навлекло на них эту невзгуду. Когда же он успокоился после припадка дикого и бесплодного бешенства, то понял, что его место рядом с Сильвией. Быть может, он должен был давно рассказать ей все и тогда она была бы более подготовлена... Но все-таки зачем бы он стал ее смущать, пока еще цеплялся за надежду, что джинн от него отстанет?

Теперь же нельзя было молчать, само собою разумеется, что перспектива идти сейчас в Коттесмор совсем не казалась приятной, но он чувствовал, что было бы подло держаться в стороне.

Кроме того, он мог ободрить их, он мог принести им искру надежды. Без сомнения, они думали, что профессор останется в новом виде навсегда, ужасная перспектива для такого дружного семейства, но, к счастью, Гораций мог разуверить их на этот счет.

Факраш всегда исправлял свои поступки, как только начинал понимать их глупость... и Вентимор намеревался приложить все свое старание, чтобы он исправил и этот.

Тем не менее у него замирало сердце и дрожала рука, когда он дернул звонок на подъезде Фютвоев, потому что нельзя было знать, в каком состоянии он найдет эту огорченную семью и как посмотрят на его вторжение в подобное время.

К О Н Е Ц

Скачивая сказку "Медный кувшин (11 глава)" Вы подтверждаете что будете использовать ее исключительно в ознакомительных целях и позже обязательно приобретете ее бумажный вариант.

Еще больше сказок для вас и ваших детей на сайте "В мире сказки" (vmireskazki.ru)